Борьба за власть в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана

Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 87
Бишкек/Брюссель, 14 марта 2018 г. Перевод с английского языка

Что нового? Контроль таджикского правительства над Горно-Бадахшанской автономной областью на востоке страны в лучшем случае можно назвать слабым. Нерегулярные формирования, подчиняющиеся местным влиятельным игрокам (так называемым «авторитетам»), ранее уже вступали в столкновения с правительственными силами, и в случае обострения это может повториться в будущем. Китай наращивает силовое присутствие в регионе.

Почему это важно? В Горно-Бадахшанской автономной области переплетаются сразу несколько проблем в области безопасности: волнения уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая; афганская война и контрабанда опиума; возможное возвращение джихадистов из Ирака и Сирии в Китай, Центральную Азию и Россию. Турбулентность при передаче власти, когда президент Эмомали Рахмон решит сложить с себя полномочия, может спровоцировать дальнейшую дестабилизацию региона.

Что можно сделать? Правительство Рахмона отвергает любые советы извне. Тем не менее у Москвы и Пекина, которые пользуются определенным влиянием и опасаются беспорядков в Таджикистане, есть шанс подтолкнуть президента к передаче власти по сценарию, который позволил бы свести к минимуму риск кровопролития. Китай должен более внятно информировать Россию и местных жителей о своих интересах в регионе и о вопросах, которые его беспокоят.

I. Краткое содержание

Горно-Бадахшанская автономная область представляет собой один из наиболее стратегически сложных районов Центральной Азии. Расположенная высоко в горах Памира, эта автономная область на востоке Таджикистана граничит с Афганистаном (на юге и западе) и с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая (на востоке). Пекин, очевидно, наращивает свое силовое присутствие в регионе, и связано это, вероятнее всего, с опасениями по поводу уйгурских боевиков, которые действуют по ту сторону границы, в Афганистане, либо

возвращаются с Ближнего Востока. С 1990-х годов Горный Бадахшан стремился к расширению самоуправления, в том числе средствами вооруженной борьбы. Сейчас обстановка там относительно спокойная, однако все может внезапно измениться. Ожидается, что в недалеком будущем — может быть, в 2020 году, — таджикский президент Эмомали Рахмон передаст власть более молодому члену семьи. При возникновении турбулентности при передаче власти горно-бадахшанские влиятельные игроки могут попытаться перераспределить влияние в свою пользу. В прошлом они уже демонстрировали готовность применять силу для достижения своих целей.

В преддверии запланированной передачи власти президент Рахмон по всей стране ужесточает контроль над общественно-политической жизнью и подавляет критику со стороны гражданского общества. В Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) это дало сомнительные результаты, но Душанбе побаивается главной угрозы внутренней безопасности — хорошо вооруженных местных влиятельных игроков (известных как «авторитеты»). Они контролируют политическую жизнь, правоохранительные органы и организованную преступность, и по своему личному влиянию в ГБАО они во многом превосходят центральное правительство. Местные жители часто видят в них благотворителей, защитников местных интересов и ценностей, берущих на себя удовлетворение элементарных нужд населения.

Представители правительства — будь то высокопоставленные должностные лица с родины Рахмона, из Кулябской области на юге Таджикистана, или местные жители, работающие в администрации ГБАО — стараются не трогать этих неофициальных, но очень могущественных лиц. За последние годы в результате столкновений с нерегулярными формированиями авторитетов государственные войска понесли большие потери, что лишь подчеркивает, насколько у Душанбе связаны руки в области. По словам жителей ГБАО, сейчас эти формирования вооружены и организованы лучше, чем когда-либо. Многие считают, что новая конфронтация с таджикскими силовыми структурами лишь вопрос времени, учитывая шаткость договоренностей между авторитетами и режимом.

Граница ГБАО с Афганистаном вызывает озабоченность у Китая, России, Соединенных Штатов и других иностранных держав. Таджикистан входит в Организацию Договора о коллективной безопасности, возглавляемую Россией, и на его территории находится крупнейшая российская база за рубежом. Это важный транзитный пункт на пути китайских товаров в Афганистан, Пакистан и далее. На афганской стороне границы действует «Талибан» и боевики, связанные с отделением Исламского государства — «Вилаятом Хорасан». Тем не менее пока они не выказывали интереса к пересечению границы (и в случае с «Талибаном», который сосредотачивает свои усилия внутри Афганистана, это вряд ли произойдет в будущем). Напротив, афганские опиаты свободно поступают в Таджикистан, а оттуда в Россию, Китай и на Запад.

Пекин, очевидно, обеспечил свое силовое присутствие ГБАО. По словам местных должностных лиц и жителей, Китай построил один объект в отдаленном уголке области неподалеку от границы с Синьцзяном и с Афганистаном. Выбор места неслучаен, учитывая обеспокоенность Китая по поводу уйгуров, которые воюют на территории Ирака и Сирии и некоторые из которых могут

вернуться обратно через Афганистан или Центральную Азию. Тем не менее китайское присутствие вызывает определенное беспокойство в ГБАО, а растущее влияние Китая в регионе может раздражать Россию, у которой традиционно прочные связи с Таджикистаном.

Что бы центральное правительство ни предприняло для ограничения влияния авторитетов в ГБАО, это может усугубить ситуацию. Предыдущие попытки приводили к кровопролитию. Тем не менее если переходный период после сложения Рахмоном полномочий пройдет спокойно, это поможет хотя бы снизить опасность более серьезной эскалации. Тогда как западные державы почти не могут повлиять на эту передачу власти, Москва и Пекин, которые имеют большее влияние на Душанбе и которые заинтересованы в стабильности в Таджикистане, возможно, способны подтолкнуть его в правильном направлении. Китай также может принять меры к тому, чтобы уменьшить потенциальные трения, вызванные неправильным пониманием его роли (особенно это касается более активного обмена информацией с Москвой). Он должен серьезно отнестись к опасениям местных жителей по поводу того, чем Китай занимается в Горно-Бадахшанской автономной области, четко обозначить свои интересы и стратегию в регионе, а также использовать в своих экономических предприятиях местные трудовые ресурсы, вместо того чтобы завозить рабочих из Китая.

II. Горный Бадахшан

ГБАО — беднейшая часть самой бедной среднеазиатской республики бывшего СССР[1]. Она занимает примерно половину территории Таджикистана, но живет в области 3% населения страны. Восток ГБАО, находящийся на высоте 3000–4000 метров над уровнем моря, по большей части пустует, а дороги там почти не ремонтировались с момента распада Советского Союза. На то, чтобы добраться из крупнейшего населенного пункта на востоке ГБАО, Мургаба, до областного центра на западе Горного Бадахшана, Хорога, уходит не менее восьми часов, хотя расстояние между ними 300 км. Регион впервые получил статус

[1] Исследование проводилось в конце 2017 года по время автомобильной поездки через ГБАО из Бишкека (Кыргызстан) в Душанбе. Из-за повсеместных репрессий было непривычно трудно общаться со старыми знакомыми. С большинством должностных лиц в областном центре, Хороге, и в других местах оказалось тяжело связаться, и никто из них не хотел говорить под запись. Лишь один человек согласился, чтобы его указали как должностное лицо, при условии что его географическое местоположение не будет названо. Представители центрального правительства не ответили на несколько звонков, сделанных в течение шести недель, что не редкость для Таджикистана. Тем не менее Кризисной группе удалось пообщаться с хорошо информированными горнобадахшанцами, включая научных работников и политических активистов, которые живут в Европе. Некоторые из них активно поддерживают отношения с местной традиционной элитой и с авторитетами — правящие круги ГБАО часто тесно связаны родственными узами или прошлой совместной работой. В Хороге и других местах Кризисная группа говорила с научными работниками и местными гражданскими служащими, один из которых дал понять, что работает на одного из авторитетов. В основу исследования также легли многочисленные интервью с иностранными должностными лицами (представителями западных стран, России, региональных и многосторонних организаций), взятые на территории Таджикистана и других центральноазиатских стран.

автономной области в конституции Таджикистана 1924 года. Тем не менее этот статус не дает ему никаких юридических и практических привилегий.

200-тысячное население ГБАО составляют преимущественно памирцы. По своей культуре, религии и языку они отличаются от таджикского большинства. Памирские языки относятся к группе иранских языков, которые не похожи на таджикский, на котором в основном говорят в Таджикистане. В то время как большинство таджиков —сунниты-ханафиты, памирцы — шииты-исмаилиты, которые признают своим духовным лидером Ага Хана. Поделенный между Таджикистаном и Афганистаном, Бадахшан богат драгоценными камнями, редкоземельными и драгоценными металлами. Правительство хвастается экономическим потенциалом в области добычи полезных ископаемых и туризма, но ничего не делает для их развития. Можно наблюдать, как местные жители моют золото под Мургабом. На фоне почти неработающей экономики Сеть развития Ага Хана берет на себя значительную социальную нагрузку и восполняет пробелы в сфере образования, здравоохранения и жилья.

Ни в ГБАО, ни в других частях страны правительство почти не занимается решением политически взрывоопасной проблемы — безработицы среди молодежи. У молодежи из ГБАО, равно как и у их сверстников по всему Таджикистану, мало вариантов, чем заняться после школы: эмигрировать (в основном в Россию) либо влачить жалкое существование на обочине экономической жизни. Некоторые вливаются в нерегулярные формирования авторитетов и вступают вместе с ними в боевые столкновения с силами таджикского правительства. Кто-то подается в контрабандисты. ГБАО дала Таджикистану несоразмерно много образованной элиты, многие из которой работают в вузах, иностранных миссиях и в частном секторе. Однако эта группа очень малочисленна и в большинстве своем не имеет доступа к политической власти, которая сосредоточена в руках родственников Рахмона и других выходцев из Кулябской области[2]. Представители центрального правительства в ГБАО озабочены выполнением главной для Рахмона задачи: поддержанием видимости спокойствия и имиджа президента как «основателя мира и национального единства» и «лидера нации». Однако Горный Бадахшан имеет обыкновение рушить эту красивую картинку.

[2] Дополнительную информацию см. в брифингах Кризисной группы по Европе и Центральной Азии: № 86, “The Rising Risks of Misrule in Tajikistan” [«Растущая угроза хаоса в руководстве Таджикистана»], 9 октября 2017 г.; № 78, “Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats” [«Заблаговременное предупреждение Таджикистану: внутренняя напряженность и внешние угрозы»], 11 января 2016 г.; в докладах Кризисной группы по Азии № 244, “China’s Central Asia Problem” [«Проблема Китая в Центральной Азии»], 27 февраля 2013 г.; № 205, “Tajikistan: The Changing Insurgent Threats” [«Таджикистан: меняющиеся угрозы восстания»], 24 мая 2011 г. Согласно Индексу восприятия коррупции Transparency International за 2017 год, Таджикистан — одна из самых коррумпированных центральноазиатских республик бывшего СССР: хуже него ситуация только в Туркменистане, тогда как в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане положение лучше.

III. **Репрессии**

На вопрос о приоритетах правительства в ГБАО, один областной чиновник ответил с необычной прямолинейностью: «Закручиваем гайки». Из Душанбе поступили, по его словам, инструкции, «связанные с недавними событиями в столице», которые многими были расценены как первые признаки постепенной передачи президентских полномочий[3].

На протяжении двадцати лет Рахмон зачищает Таджикистан от политических соперников[4]. В 1997 году после того, как он одержал верх в пятилетней гражданской войне, президент начал убирать не только лидеров оппозиции, но и высокопоставленные фигуры на своей стороне, заподозренные в неверности[5]. В 2015 году власти запретили самую организованную оппозиционную политическую партию страны — Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Почти все лидеры ПИВТ сейчас либо находятся за решеткой, либо эмигрировали в Европу. Насколько известно, некоторые члены оппозиции были убиты или принудительно возвращены в Таджикистан, где их ждал суд[6]. Адвокаты и правозащитники тоже оказались под ударом[7], равно как и их родственники[8].

Сейчас Рахмон, по всей видимости, занят устранением всех оппонентов, которые могут помешать передаче власти. Официальные должностные лица любят противопоставлять нынешнюю ситуацию и гражданскую войну, предостерегая, что любая оппозиция государству может привести к новому раунду кровопролития[9].

По словам одного недавнего эмигранта, в ГБАО власти оказывают давление на «неудобную интеллигенцию и критиков, которые способны причинить ущерб репутации лидера или зародить сомнения в президентских достижениях»[10]. Этот известный горно-бадахшанский политик попросил убежища в Европе в начале 2017 года, после того как его предупредили о грозящем ему возбужде-

[3] Интервью Кризисной группы с областным чиновником, ГБАО, сентябрь 2017 г.

[4] Брифинги Кризисной группы по Европе и Центральной Азии: № 86, “The Rising Risks of Misrule in Tajikistan” (указ. соч.); № 78, “Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats” (указ. соч.).

[5] См. доклад Кризисной группы по Азии № 162, “Tajikistan: On the Road to Failure” [«Таджикистан: на пути к коллапсу»], 12 февраля 2009 г., с. 2–4.

[6] Там же. См. также “Tajikistan: Free human rights lawyers” [«Таджикистан: адвокаты-правозащитники должны быть освобождены»], Хьюман Райтс Вотч, 4 мая 2016 г.; “Tajikistani dissenters at grave risk after an opposition lawyer shot dead in Turkey” [«После убийства в Турции адвоката-оппозиционера другим таджикским диссидентам грозит серьезная опасность»], Amnesty International, 6 мая 2015 г.

[7] “Tajikistan: Free human rights lawyers”, Хьюман Райтс Вотч (указ. соч.).

[8] «Таджикистан: притеснения родственников оппозиционеров», Хьюман Райтс Вотч, 20 декабря 2016 г.

[9] Достоверная информация о количестве погибших во время гражданской войны отсутствует. Цифры колеблются от 20 000 до более чем 100 000 человек. По максимальной оценке, в стране насчитывается 1,2 млн внутренне перемещенных лиц. Брифинг Кризисной группы по Европе и Центральной Азии № 86, “The Rising Risks of Misrule in Tajikistan” (указ. соч.).

[10] Телефонное интервью Кризисной группы с политическим эмигрантом из ГБАО, ноябрь 2017 г.

нии уголовного дела. В Хороге затихла некогда кипучая интеллектуальная жизнь. Многие научные работники, журналисты, оппозиционные политики и гражданские активисты запуганы. Несколько прежних собеседников Кризисной группы уехали из страны или собираются уехать, называя в качестве главной причины репрессивную атмосферу. Люди хорошо знают, какими опасностями чреваты обвинения в неверности режиму[11].

IV. Нарушители спокойствия

ГБАО редко вела себя по указке правительства. После распада СССР горно-бадахшанские политики добились увеличения своего представительства в руководстве страны. Во время гражданской войны 1992–1997 годов регион стал оплотом главных противников Рахмона — Объединенной таджикской оппозиции (ОТО), широкой коалиции оппозиционных сил.

После войны Рахмон выстроил узкую базу политической поддержки из числа своих родственников и выходцев из его родной Кулябской области. Большинство остальных регионов до сих пор находятся в слабом политическом и экономическом состоянии. Напротив, в ГБАО в переломные моменты последнего десятилетия происходили массовые протесты, в основном организованные авторитетами и их сторонниками.

В 2008 году в Хороге состоялся массовый митинг. Это редкость для Таджикистана, где протесты обычно быстро разгоняют. По официальной версии, демонстранты выступали против передачи части территории ГБАО Китаю. Однако среди выступавших на митинге был как минимум один из авторитетов. По словам участников и организаторов, демонстрацию спровоцировали, среди прочего, сообщения о том, что город наводнили представители силовых ведомств, предположительно чтобы провести операцию против авторитетов[12]. В 2012 году в столкновениях в Хороге между таджикскими военными и силовиками с одной стороны и хорошо вооруженными местными жителями с другой погибли как минимум 50 человек. В 2014 году жители, охваченные гневом на грубо проведенную органами внутренних дел операцию в центре Хорога, подожгли здание областной милиции и другие административные здания[13].

[11] Как сказал один давний знакомый, людям, которые разговаривают с иностранными исследователями, «всерьез грозит тюрьма». Ряд научных работников, журналистов, оппозиционных политиков и гражданских активистов заранее предупреждали Кризисную группу, что не смогут говорить. Другие просто не поднимали трубку. Беседы, которые состоялись, велись кусками, на улицах или в кафе, часто в несколько приемов. Интервью Кризисной группы, октябрь 2017 г.

[12] См. доклад Кризисной группы по Азии № 162, “Tajikistan: On the Road to Failure” (указ. соч.). Правительство пообещало отозвать свежеприбывшие отряды.

[13] Операцию спровоцировало убийство высокопоставленного сотрудника из отдела по борьбе с наркотиками, заказное одним из авторитетов, возможно, чтобы отобрать у сотрудника его долю от торговли наркотиками. Операция быстро превратилась в попытку государственных силовых структур зачистить вооруженную оппозицию. Она завершилась провалом — почти таким же, как аналогичная катастрофическая операция в соседнем Раштском районе в 2010 году. Как и в Раште, погибли лидеры местной оппозиции, которые не являлись целью операции. В Хороге был убит местный лидер ПИВТ, а в Раште бывший высокопоставленный

Последовавшие беспорядки унесли множество жизней, но из-за скрытности властей и склонности оппозиции преувеличивать — трудно сказать, сколько именно.

Все столкновения, очевидно, так или иначе вспыхивали из-за попыток центрального правительства пошатнуть власть авторитетов. Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом. Чаще всего они заканчивались неудобным перемирием, которое ставило Душанбе в неловкое положение и лишь усиливало позиции авторитетов. После столкновений с таджикскими правительственными силами в 2012 году лидеры авторитетов участвовали в переговорах, призванных снять напряженность, что лишь укрепило их положение[14]. После того кровопролития, по некоторой информации, силовые структуры порой не желают связываться с ГБАО. Так, в 2016 году официальным должностным лицам пришлось опровергать сообщения, что элитный отряд отказался дислоцироваться в Хороге, а некоторые из бойцов дезертировали[15]. Многие наблюдатели утверждают, что с наступлением темноты улицы города контролируют нерегулярные формирования авторитетов. Это, скорее всего, преувеличение, но один местный житель с обширными связями утверждает, что милиция «с большой опаской заходит в некоторые районы Хорога по ночам»[16].

V. Авторитеты

Командиров и нанимателей нерегулярных формирований в ГБАО обычно называют «авторитетами». Эти люди участвовали в гражданской войне на стороне ОТО и, согласно мирному соглашению 1997 года, получили высокие посты в милиции, пограничных войсках и силовых структурах. Они провозглашают себя защитниками памирских традиций и культуры, и учитывая подавление политической оппозиции, они фактически единственные, кто может заявить, что отстаивает особую региональную идентичность Горного Бадахшана.

Раздача постов командирам ОТО после гражданской войны считалась способом задобрить их до тех пор, пока не удастся их нейтрализовать либо кооптировать. В ГБАО же авторитеты укрепились и провели на окологосударственные должности многих из своих старых бойцов. Благодаря этому они стали теневой властью, встав во главе сети, которая частично интегрирована в местные институты[17]. Они действуют без оглядки на Душанбе, хотя получают зарплаты из госбюджета. Как сказал один чиновник, «они нас игнорируют»[18].

командир ОТО и министр правительства погиб при загадочных обстоятельствах. Доклад Кризисной группы по Азии № 205, “Tajikistan: The Changing Insurgent Threats” (указ. соч.).

[14] Посредниками на переговорах между авторитетами и правительственными силами выступила группа из двадцати гражданских активистов, местных политиков и религиозных лидеров. «Мониторинг соблюдения прав человека в связи с проведением специальной операции 24 июля 2012 года в городе Хорог, ГБАО», Гражданская солидарность, 2013 г.

[15] «ГКНБ Таджикистана опровергает слухи о бегстве бойцов „Альфы“», Asia Plus, 26 января 2016 г. См. также “Tajikistan: Mysterious security measures provoke jitters” [«Таджикистан: загадочные силовые меры заставляют нервничать»], EurasiaNet, 26 января 2016 г.

[16] Телефонное интервью Кризисной группы с жителем Хорога, декабрь 2017 г.

[17] Прилегающий к Горному Бадахшану Раштский район раньше служил базой ОТО, и он тоже пытается сопротивляться центральному правительству. Утверждается, что раштские автори-

Большинство наблюдателей за ГБАО называют трех-четырех главных авторитетов. У каждого из них своя социальная база (обычно это район в крупнейшем городе региона Хороге), а также свой политический аппарат и военизированная структура[19]. Когда все спокойно, боссы конкурируют за трансграничный бизнес. Когда же центральное правительство начинает поигрывать мускулами, «они снова сплачиваются»[20]. Если начнутся столкновения, авторитеты способны собрать десятки безработных молодых людей из Хорога и окрестностей, не считая членов своих обычных вооруженных формирований. Кроме того, они выступают посредниками при местных спорах и помогают нуждающимся, заменяя собой назначенцев из Душанбе, которые считаются коррупционерами и противниками памирских традиций.

Жители и политические аналитики региона считают, что занимаясь неофициальной раздачей благ, авторитеты ГБАО действуют преимущественно в своих интересах, чтобы сохранить преступное предприятие, в основном связанное с наркотиками[21]. В то же время авторитеты часто восполняют пробелы в деятельности недофинансируемой, плохо оплачиваемой и недостаточно квалифицированной местной администрации. Вкупе с тем недоверием, которое жители испытывают к Душанбе и его назначенцам, это является важной причиной значительной, хотя и неоднозначной легитимности авторитетов в глазах общественности.

Многие жители считают авторитетов гарантами автономии Горного Бадахшана. Один из местных жителей сказал: «Мы знаем, что они кровавые преступники, и нам это не нравится. Но когда они защищают наш регион от Душанбе, в этот момент они служат нашему народу»[22]. Другие признаются, что испытывают мстительную радость по поводу того, как правительство бьют на его же поле. Если план Рахмона по передаче власти даст сбой, авторитеты попытаются захватить больше автономии себе и региону.

теты, которые — по крайней мере, номинально — командовали милицией и пограничниками, в 2009–2010 годах организовывали столкновения, в которых было убито несколько десятков бойцов правительственных войск. Раштские командиры менее популярны, по сравнению с аналогичными авторитетами из ГБАО. См. доклады Кризисной группы по Азии № 162, “Tajikistan: On the Road to Failure” (указ. соч.), № 205 “Tajikistan: The Changing Insurgent Threats” (указ. соч.).

[18] Интервью Кризисной группы с местным чиновником, Хорог, октябрь 2017 г.

[19] Вероятно, организации авторитетов в ГБАО похожи на структуры в Раштском районе. В разговоре с Кризисной группой главный раштский авторитет рассказал, что у него есть хорошо вооруженная силовая группа из шести бывших командиров среднего звена ОТО, каждый из которых может мобилизовать еще по 50–60 бойцов. См. доклад Кризисной группы по Азии № 205 “Tajikistan: The Changing Insurgent Threats” (указ. соч.).

[20] Интервью Кризисной группы с политиком из ГБАО, обладающим обширными связями, октябрь 2017 г.

[21] Считается, что авторитеты искусно пользуются своим имиджем защитников традиций ГБАО, чтобы укреплять свои позиции в диалоге с центральным правительством. То, что они фактически действуют в своих интересах, часто отмечалось в ходе исследования, проводившегося в рамках подготовки этого доклада, а также в многочисленных предыдущих обсуждениях роли авторитетов.

[22] Интервью Кризисной группы с научным работником из ГБАО, сентябрь 2017 г.

VI. Растущее присутствие Китая

Китайское силовое присутствие в регионе, очевидно, нарастает[23]. Этот новый поворот событий предположительно связан с озабоченностью Китая вопросами безопасности из-за возвращения уйгурских боевиков из Ирака и Сирии и потенциального перетекания их из Афганистана[24]. Перспектива возвращения боевиков тревожит и Таджикистан: любое нападение джихадистов проделает брешь в той картине спокойствия, которую тщательно рисует президент Рахмон[25].

Официальные должностные лица в ГБАО и в Душанбе подтвердили силовое присутствие Пекина в области. Один из них сказал, что «здесь много китайских солдат», и добавил, что они стараются не афишировать себя[26]. Другой рассказал о некоем китайском укрепленном объекте в селе Шаймак у границы с Синьцзяном и Ваханским коридором — высокогорной долиной в Афганистане, разделяющей Таджикистан и Пакистан. Он назвал этот объект «совместным контртеррористическим центром», где располагаются также и таджикские силы. Ни таджикское правительство, ни китайское посольство в Душанбе никак не отреагировали на дальнейшие вопросы. (К моменту публикации министерство обороны Китая так и не ответило на вопросы Кризисной группы.) Западный дипломат из другой центральноазиатской республики подтвердил,

[23] Наиболее явный признак китайского присутствия исследователи Кризисной группы наблюдали в Мургабе. Мургаб — поселок этнических кыргызов с населением 4000 человек, в восьми часах езды от границы с Кыргызстаном и в восьми часах езды к востоку от Хорога. Группа китайских военных зашла в единственное кафе, чтобы купить пива и водки. Их сопровождал младший офицер — военный переводчик с кыргызского, не ханец. Местные жители подтвердили, что китайцы тут не проездом. Когда обнаружилось, что у военнослужащих не хватает таджикских денег, продавщица предложила им расплатиться юанями. Наблюдения и разговоры Кризисной группы с жителями ГБАО, октябрь 2017 г.

[24] Джерри Ших, “AP exclusive: Anger with China drives Uighurs to Syrian war” [«Эксклюзив AP: злость на Китай приводит уйгуров на сирийскую войну»], Associated Press, 22 декабря 2017 г. Центральное командование США 8 февраля 2018 года заявило, что целью авиаударов по территории Афганистана рядом с границей с Таджикистаном и Китаем были тренировочные лагеря Исламского движения Восточного Туркестана. “U.S. airstrikes target terrorist networks in northern Afghanistan” [«Целью авиаударов США были сети террористов на севере Афганистана»], пресс-релиз, Центральное командование США, 8 февраля 2018 г. Подробнее о вопросах, волнующих Китай в Центральной Азии, см. в докладе Кризисной группы по Азии № 244, “China’s Central Asia Problem” (указ. соч.). В нем подробно описывается растущая вовлеченность Китая в различные аспекты региональной политики, экономики и безопасности.

[25] Интервью Кризисной группы с высокопоставленными дипломатами в Душанбе, октябрь 2017 г.

[26] Интервью Кризисной группы, ГБАО, сентябрь 2017 г. Таджикистан и Китай 1 октября 2015 года подписали соглашение о строительстве постов вдоль таджикско-афганской границы, и в 2016 году Китай и Таджикистан провели свои первые совместные военные учения на территории Таджикистана, граничащей с Бадахшаном. См. “China reportedly building military base for Afghan armed forces at Afghanistan’s border with Tajikistan” [«По некоторым данным, Китай строит военную базу для афганских вооруженных сил на границе Афганистана с Таджикистаном»], Asia Plus, 8 января 2018 г.; Джошуа Кусера, “China holds anti-terror exercises on Afghanistan-Tajikistan border” [«Китай проводит антитеррористические учения на афганско-таджикской границе»], EurasiaNet, 24 октября 2016 г.

что его посольство знает о наращивании китайского силового присутствия в ГБАО, в том числе и об объекте[27].

Как рассказывают российские источники, растущее присутствие Китая в Центральной Азии беспокоит Москву[28]. В Таджикистане, который входит в возглавляемую Россией Организацию Договора о коллективной безопасности, располагается 201-я мотострелковая база — крупнейшая российская база за рубежом[29]. Всего несколько лет назад российские аналитики и официальные должностные лица имели обыкновение называть Центральную Азию «задним двором» Москвы, ясно давая понять, что Пекин должен тщательно координировать любые свои действия там с Россией. Один российский эксперт с большим опытом в вопросах, связанных с Таджикистаном, выразил негодование, что китайские должностные лица не проинформировали своих коллег в Москве о планах по строительству объекта в ГБАО. Китайцы, отметил он, являются «стратегическими союзниками [России в Центральной Азии, но] они не всегда говорят нам, чем они занимаются. Они очень самоуверенны»[30].

Китай уже имеет преимущества перед Россией в регионе, в частности деньги и, возможно, готовность финансировать крупные инфраструктурные и прочие проекты, в которых отчаянно нуждается Таджикистан. В 2016 году Китай учредил «четырехсторонний механизм по сотрудничеству и координации» вместе с Таджикистаном, Афганистаном и Пакистаном для обмена информацией и контртеррористической подготовки[31]. После этого таджикское правительство утвердило планы, позволяющие Китаю профинансировать и построить 11 пограничных постов и один учебный центр[32].

Российское влияние по-прежнему сильно, особенно применительно к сотрудничеству в сфере безопасности. Российско-таджикские отношения подкрепляются прочными деловыми и личными связями между элитами двух стран. Однако баланс может сместиться, если силовое присутствие Китая продолжит расти[33]. Вне зависимости от того, как будет развиваться ситуация, большая скоординированность в действиях таджикского, российского и китай-

[27] Интервью Кризисной группы, Бишкек, январь 2018 г.

[28] Интервью Кризисной группы с российским должностным лицом, Бишкек, февраль 2016 г.

[29] По информации Министерства обороны РФ, ее официальное название —201-я Гатчинская ордена Жукова дважды Краснознаменная военная база. США также оказывают помощь и финансируют обучение таджикского спецназа.

[30] Интервью Кризисной группы, Душанбе, октябрь 2017 г.

[31] Майкл Мартина и Роберт Бирсел, “China joins Afghanistan, Pakistan, Tajikistan in security alliance” [«Китай входит в альянс по вопросам безопасности с Афганистаном, Пакистаном и Таджикистаном»], Reuters, 4 августа 2016г. См. также «Таджикистан, Китай, Пакистан и Афганистан создадут систему четырехстороннего сотрудничества», Asia Plus, 28 августа 2017 г.

[32] Назарали Пирназаров, Олжас Ауезов и Джереми Гаунт, “China to build outposts for Tajik guards on Tajikistan-Afghanistan border” [«Китай построит посты для таджикских пограничников на таджикско-афганской границе»], Reuters, 26 сентября 2016 г.

[33] Официальные представители афганского правительства в январе 2017 года заявили, что Китай поможет в создании военной базы в афганской провинции Бадахшан. Тем не менее степень китайского участия остается неясной: Пекин отрицает и афганские сообщения о сотрудничестве, и предыдущие сообщения СМИ о китайских патрулях на территории Афганистана. “China denies it’s planning a military base in Afghanistan” [«Китай отрицает планы по созданию военной базы на территории Афганистана»], South China Morning Post, 25 января 2018 г.

ского правительств и — в соответствующих случаях — представителей силовых ведомств позволила бы разрешить волнующие всех вопросы, в частности проблему укрепления таджикско-афганской границы.

Кроме того, китайское присутствие в ГБАО вызывает тревогу у местных жителей. Этнические кыргызы, составляющие большинство населения на востоке ГБАО, испытывают опасения по поводу намерений Пекина. Огромное возмущение вызвало то, что центральное правительство продало землю Китаю без консультаций с местными жителями (парламент ратифицировал соглашение в 2011 году), и в результате они лишились доступа к могилам предков[34]. «У меня по сей день сердце болит», — отметил один из собеседников[35]. Другие этнические кыргызы — граждане Таджикистана делились опасениями, что Китай сговорится с правящей элитой, чтобы экспроприировать полезные ископаемые региона, а работать на их добыче будут приезжие китайцы, а не местные жители[36]. Эти страхи перекликаются с тем, как критикуют поведение Китая в других частях Центральной Азии[37].

Критики властей — в Хороге и за границей — также опасаются, что сотрудничество Пекина и Душанбе приведет к еще более агрессивному искоренению соперников действующим таджикским правительством. Некоторые собеседники Кризисной группы обвиняли Китай в поставках технологий слежения государственным силовым структурам в ГБАО и в других регионах[38]. Независимо от того, верны ли эти утверждения, Пекину будет полезно обратить внимание на тревогу по поводу того, что Китай начинает помогать государственным силовым органам. Даже продолжая углублять связи с Душанбе, Пекину следует более четко разъяснять России и другим игрокам свою стратегию в Центральной Азии, особенно в таких сложных регионах, как ГБАО. Там же, где Китай ведет экономическую деятельность, он должен делать все возможное для привлечения местных трудовых ресурсов, вместо того чтобы завозить китайских рабочих.

VII. **Заключение**

В ГБАО во многом как в капле воды отражается ситуация в Таджикистане. В политике режима в регионе прослеживается намерение руководства удержаться у власти и явное его нежелание обуздать системную коррупцию, даже когда она разъедает армию и силовые структуры. Режим при любой возможности

[34] “Tajikistan cedes land to China” [«Таджикистан уступил землю Китаю»], Би-би-си, 13 января 2011 г.

[35] Интервью Кризисной группы, Мургаб, сентябрь 2017 г.

[36] Интервью Кризисной группы, Ош (Кыргызстан) и Мургаб, сентябрь 2017 г.

[37] Кризисная группа уже обращала внимание на плохой имидж китайских компаний, действующих в регионе, и предостерегала, что «китайская экономическая экспансия — если она приведет лишь к обогащению определенных политических семей, а не к росту благосостояния работающего населения — может превратиться в проблему». Доклад Кризисной группы по Азии № 244, “China’s Central Asia Problem” (указ. соч.).

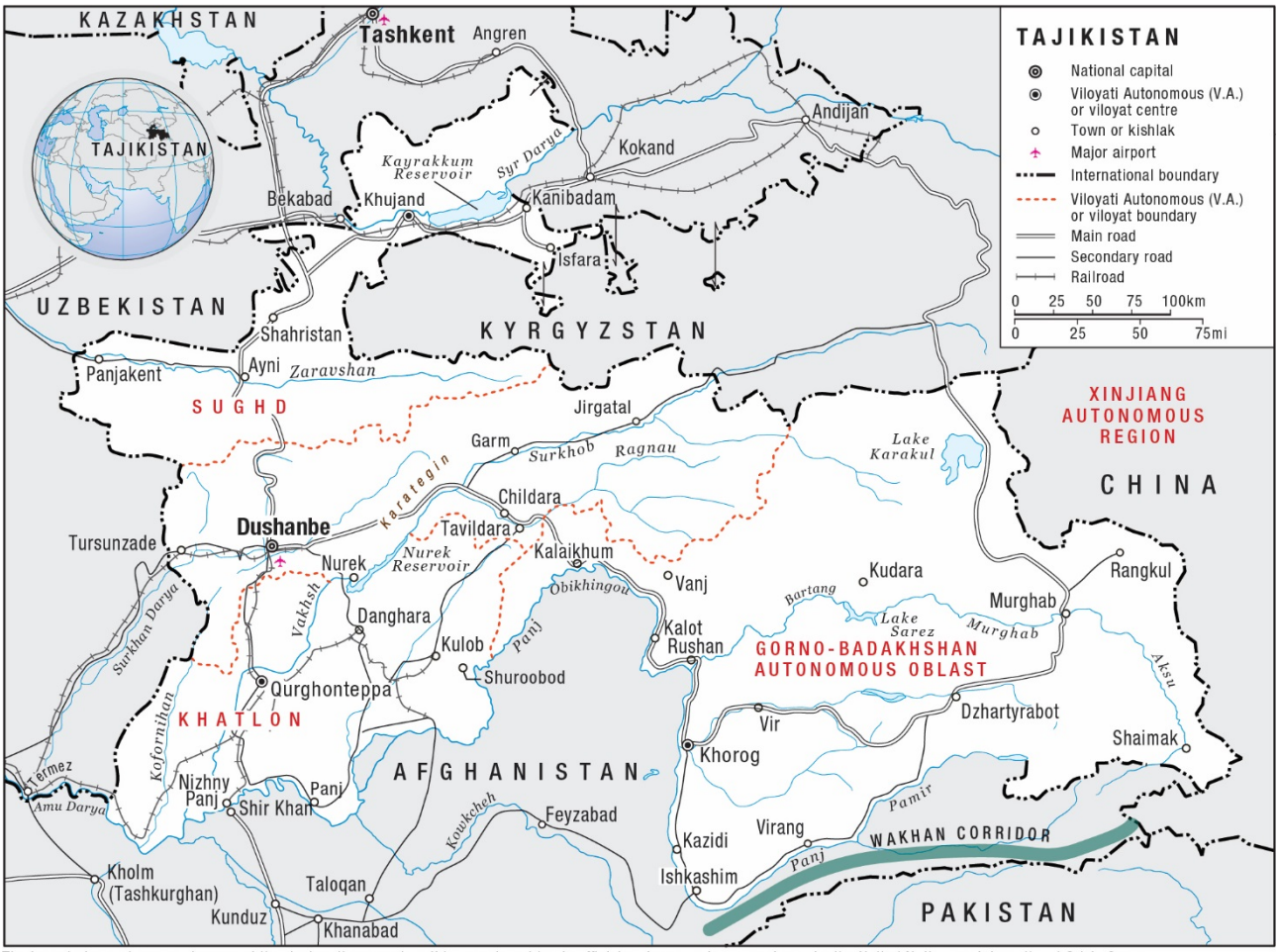
[38] Телефонное интервью Кризисной группы с экспертом, проживающим в России, ноябрь 2017 г. Телефонное интервью Кризисной группы с политическим эмигрантом из ГБАО, ноябрь 2017 г.

делает выбор в пользу видимости реформ, а не реальных шагов, а между тем институты продолжают разрушаться. Любой сбой при передаче президентских полномочий от Рахмона грозит тем, что политики из обделенных регионов включатся в жестокую борьбу за свою долю центральной власти или как минимум за более широкую местную автономию. Если это случится в ГБАО, государственным силовым структурам придется чрезвычайно тяжело.

Сейчас правительству вряд ли удастся ограничить влияние авторитетов в Горном Бадахшане, не рискуя ввязаться в очередное кровопролитие. Но по крайней мере оно должно провести передачу власти — если Рахмон действительно собирается это сделать в ближайшие годы — организованно, чтобы не спровоцировать дальнейшую дестабилизацию региона. Учитывая, что и Пекин, и Москва обладают рычагами влияния на Душанбе и что обе страны заинтересованы в предотвращении потрясений в Таджикистане, они должны использовать все свое закулисное влияние, чтобы подтолкнуть президента Рахмона к такой передаче власти, при которой вероятность кровопролития свелась бы к минимуму. Также необходимо наладить обмен информацией во избежание потенциального взаимного недопонимания, особенно в свете растущего силового присутствия Китая.

Бишкек/Брюссель, 14 марта 2018 г.

Приложение А. Карта Таджикистана



The boundaries and names shown and the designations used on this map do not imply official endorsement or acceptance by the United Nations or International Crisis Group.
International Crisis Group/KO/February 2018. Based on UN map no. 3765, Rev. 11 (October 2009).

International Crisis Group
Headquarters
Avenue Louise 149, 1050 Brussels, Belgium
Tel: +32 2 502 90 38. Fax: +32 2 502 50 38
brussels@crisisgroup.org

New York Office
newyork@crisisgroup.org

Washington Office
washington@crisisgroup.org

London Office
london@crisisgroup.org

Regional Offices and Field Representation
Crisis Group also operates out of over 25 locations in Africa,
Asia, Europe, the Middle East and Latin America.

See www.crisisgroup.org for details

PREVENTING WAR. SHAPING PEACE.